дай же жадному едину чашу; согрел ли ся во многомягких ризах и драгих, приодежи трясущагося зимою простейшею одежею; во храме ли красне и высоце возлежиши, введи скитающагося по улицам в дом свой; возвеселил ли ся еси с ким своим веселием, обвесели скорбящаго; обрадовал ли ся о чем, обрадуй сетующаго; почтиша ли тя яко богата, почти ты убогаго...». Как видно из этого перечня услуг убогому, они требуют весьма умеренной, но вполне конкретной помощи. Именно с этими скромными просьбами обращается к своему князю Даниил Заточник.

Осуждая «злое», «неправедное» богатство, «Слово святаго Иоанна Златоустаго о богатых и о милостивых» (Измарагд, ч. 2, лл. 60—61) прибегает к таким бытовым сопоставлениям, которые придают наглядность основному тезису: скупым богатство служит «на большее безумие и на грех и на лютейшую муку». «Яко корабль топит буря, тако и богатство злое душу губит... несытый имениа подобен есть пияницы, иже любит пити много, а лихоимец любит собирати много; лихоимца очи мзда ослепляет, а пияници хмель очи омрачает; он скупостию оглох — нищих вопля не слышит, а сего душа пиянством оглохла, святых словес чтомых не слышит...».

Устрашая вечными муками — «негасимым огнем и ядовитыми червями» — после смерти, «Слово святаго Кирила мниха о страсе божии» (Измарагд, ч. 2, л. 61—61 об.) так поясняет силу этих мук: «Аще бо зде баня теплыя и горющия укропления воды не может плоть наша терпети, то како сътерпим он лютый огнь и кипящия смолы мучение. Аще убо комара или мухи страшища не терпим, то како, братие, неусыпающии червь лютый стерпим?».

Жизнь — это «торг житейский», и «Слово избранно» Иоанна Златоуста призывает: «Еще же даже торг не разыдется, купи себе милостыню убогих, помилование от бога смирением, вечную славу правдою, житие неконечаемое чистотою, венец кротостию, в рай вхождение милостынею, со аггеля пение, купи сие трудом покой...» (Измарагд, ч. 2, л. 5).

Стремление учительной речи к наглядности и вытекающее отсюда нагнетание бытовых сопоставлений, конкретизирующих моральные требования, придают часто ритмичность самому строю изложения. Эта ритмичность как прием ораторской речи сближает учительные произведения с торжественным красноречием «слов» на праздники, похвал святым. Однако в отличие от церковной ораторской прозы учительные «слова» предпочитают символически-метафорическому ее языку выразительную речь, не требующую от читателей-слушателей широкого овладения «сладостью книжной». Вместе с тем обилие бытовых реалий из жизни мирян, начиная от жизни разных типов богачей, преимущественно наживших свое богатство «неправедно», скупых и жадных, лихоимцев и насильников, и до убогих и пропившихся пьяниц, показывает, что составители Измарагда рассчитывали именно на самые широкие слои «мирских» читателей и на белое духовенство, духовных их наставников.

Идеал истинного христианина, создаваемый поучениями Измарагда, отразил в себе противоречивость, свойственную идеологии христианства в том ее виде, в каком она сложилась, когда христианство стало государственной религией большей части Европы, когда церковь сделалась «наиболее общей санкцией существующего феодального строя» и когда авторитетом Библии освящалась «и княжеская власть божьей милостью, и безропотное повиновение, и даже крепостное право» (Ф. Энгельс).[26] Но, с другой стороны, в течение всего средневековья и социальные движения высту-

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361, 368.